

Муниципальное бюджетное учреждение культуры
«Централизованная библиотечная система»
Центральная городская библиотека

НЕБЕРЕКУТИН АЛЕКСЕЙ ФЁДОРОВИЧ

г. Вилючинск
2017

Я счастлив тем, что не тщеславен.
Творил я в меру своих сил
И никогда душевный пламень
Расчётом холодным не гасил.

Издание посвящено А.Ф. Неберекутину, члену Союза писателей СССР, прожившему в Вилючинске 15 лет. Вниманию читателя, заинтересовавшегося жизнью и творчеством поэта:

- автобиография, написанная в 1990 году и напечатанная в сборнике «Писатели Камчатки», посвященном Камчатскому региональному отделению Союза писателей Российской Федерации (1974 - 2004);
- стихотворения из авторского сборника «Одним дыханием», вышедшего в Петропавловске-Камчатском в 1991 году;
- подборка стихотворений, напечатанных в «Вилючинской газете» в 1993-1994 годах.

В конце издания представлены обложки авторских сборников, изданных в 1971-1978 годах и хранящихся в фонде Ростовской-на-Дону научной библиотеки.

Составитель: Ильюшко Надежда Константиновна
Редактор: Ковтун Ольга Семеновна

Автобиография

Родился 23 ноября 1935 года. Хутор Морозов Меловатского района Воронежской области на карте не значится. Ничем, кроме буйного зелёного яра в конце огорода с вековыми яблонями, не значится он и в памяти: мне было полтора года, когда родители переехали в Ростовскую область – сначала в село Ремонтное (недалеко от Элисты), а перед самой войной – на станцию Зимовники, где и пролетели двенадцать лет моего детства.

Родители – отец Неберекутин Фёдор Семёнович, рождения 1903 года, мать урождённая Кладькова Ефросиния Тихоновна, 1906 года, - были крестьянами. Отец, кроме того, был превосходным мастером сапожного дела. В Зимовниках работали на производствах.

Женский день в нашей семье редко когда отмечался как праздник: 8 марта 1942 года, между Таганрогом и Матвеевым Курганом, в селе Ряжено погиб отец. Мать осталась с тремя детьми. Мария и Анна, старшие мои сёстры, живы и сегодня.

В трёхлетнем возрасте я был испуган соседской собакой: глубоко в скирде соломы хотел достать её щенят. С тех пор заикался. В 1942 году заикание усугубилось: в августе я был тяжело ранен (мама насчитала на моём теле 32 раны), а в декабре на моих глазах в нашей хате стрелялись и резались из-за какого-то украденного друг у друга обмундирования румынские и немецкие солдаты.

В семилетней школе по устным предметам переводился без экзаменов. К этим годам я отношу начало своей работы над словом – в любом разговоре мне было необходимо подыскивать синонимы трудно-выговариваемых слов.

В Краснодар, к отцовой сестре, переехали в марте 1949 года. А в декабре следующего был тяжело ранен из хулиганского самопала. Опять в живот.

С трудом закончил в 1953 году семь классов, пошёл на стройку – сначала подсобным рабочим, потом учеником каменщика. А далее одна за одной – в ноябре 53-го и в марте 54-го – последовали операции по поводу заворота тонкого кишечника. И в год призыва в Армию я был признан инвалидом второй группы.

Работал портным, контролёром водомеров. Сёстры повыходили замуж, мать болела. Скрывая инвалидность, я не раз поступал на комвольно-суконный комбинат и работал промывщиком товара, красильщиком топса, подвозчиком, опальщиком. Работал на стеклотарном заводе сушильщиком шихты.

В 1960 году была снята теперь уже третья группа инвалидности, и гнетущее сознание неполноценности стало постепенно забываться. В том же году пошёл на завод арматурщиком. Женился.

Закончив в 1964 году среднюю школу, поступил на заочное отделение Литературного института им. Горького. Был зачислен в творческий семинар Владимира Николаевича Соколова. Все годы учёбы в заочной школе и Литинституте и все десять лет работы арматурщиком совмещал со строительством дома. О чём горько теперь сожалею.

По окончании института (1970) работал в Краснодарском книжном издательстве – старшим корректором, затем более шести лет редактором художественной литературы.

В январе 1972 года умерла мать. В том же году женился вторично (с первой женой разошлись через два с половиной года).

Два года – с марта 77-го по апрель 79-го – прожил с женой и дочерью в станице Шапсугской Абинского района Краснодарского края, где полгода работал лесорубом и на пилораме. Райский уголок этот, где только жить бы да жить

творческому человеку, я никогда не покинул бы, если бы не законная обязанность выплачивать первой жене на содержание моих сыновей. За два года жизни в Шапсугской я написал очень много стихов, из которых в четвёртую книгу попало лишь два-три. Так же очень немного из тех стихотворений удалось опубликовать в периодической печати.

Больше года занимался вопросом обмена частного домовладения на государственную квартиру, и, наконец, в апреле 1979 года вопрос этот решился для меня поселением на Камчатке. Здесь довелось работать на судоремонтном заводе – слесарем-трубопроводчиком, грузчиком, трюмным на ДОКе.

Лето 1983 года прожил в Новгороде – пытался поменять квартиру на какой-либо район в Европе.

С 1984 года и по сей день работаю в горводоканале слесарем.

Такова «внешняя» биография. Что касается биографии «внутренней», собственно творческой, то она не всегда была так созвучна с внешней, как, скажем, рифма: арматура-литература, которую я ни разу не использовал в стихах.

Первые стихи были опубликованы в 1959 году. Первая большая подборка – в 1965-м; в коллективном сборнике стихов «Мир молодой» в Краснодаре. В Москве впервые появились мои стихи в газете «Труд», затем в журнале «Октябрь», «Молодёжная эстрада». Книги стихов выходили в Краснодаре и в Москве («Советская Россия» и «Советский писатель»).

1990

Алексей Неберекутин

Автобиография // Писатели Камчатки: Союз писателей Камчатки / Е.В. Гропянов. – Петропавловск-Камчатский, 2005. – С. 148-150.

Издание имеется в краеведческом фонде Центральной городской библиотеки в одном экземпляре (*оцифровке не подлежит из-за плохого качества печати*);

[Вступительное слово: (вторая страница обложки)]:

Содержание этой книги – жизнь, прожитая, прочувствованная и осмысленная данной личностью, и оно, содержание, с одной стороны, не меняется, как фамилия написавшего её, а с другой – приобретает со временем более резкие черты действительности, как то же лицо с годами.

Истинная поэзия есть не что иное, как естественность в любом проявлении бытия – будь то дыхание человека или аромат сена, с ума сводящее желание или течение реки. Т.е. всё то, что существует в силу глубинных законов природы или рождено жизненной необходимостью (что то же самое): пошили наволочку, испекли хлеб, вспомнили событие многолетней давности, оглянулись, причесали дочурку...

Поэзия существует сама по себе. Многие видят её, чувствуют и даже живут ею, но доходчиво передать сущность её и прелесть средствами языка дано далеко не всем.

О чём писать – на то не наша воля, - сказал один из ярких представителей поэзии Николай Рубцов, с которым (благодарение судьбе!) Алексею Неберекутину довелось в одни годы учиться в Литературном институте им. А.М. Горького СП СССР.

[третья страница обложки]:

«Одна из основных черт его характера – это требовательность к себе, - писал об Алексее Неберекутине двадцать лет назад Владимир Соколов, - Во всех его стихотворениях ещё одно чрезвычайное качество: они предельно искренни».

Если эту брошюрку можно в техническом отношении назвать книжкой, то необходимо пояснить, что «выходит» она в авторской редакции, за счёт средств автора, в 100 экземплярах.

Из ранее издававшихся книг в брошюру автор включил лишь семь стихотворений.

Книги Алексея Неберекутина:

Твоё цветами пахнущее имя.

Москва. «Советская Россия». 1971.

Я сын погибшего солдата.
Краснодарское книжное издательство. 1971.

А жизнь быстра...
Краснодарское книжное издательство. 1974.

Точка опоры.
Москва. «Советский писатель». 1978.

Отпечатано РИО «Друк» ДВФ «МОДУС».
Тираж 100 экз. Зак. № 621.

Стихи из неизданной книги,
Зачитанные, как роман,
Мне пахнут краюхой ковриги
И греют рабочий карман.

Я их написал вдохновенно,
Преследуя жизнь по пятам,
Позорно ль, что самозабвенно
Читал их собакам, котам?

Читаю хорошим девчатам,
В бутылку влюблённым друзьям...
Мне в этом краю непочатом
И Фет компаньон, и Хайям.

Я с ними толкую на равных
И запанибратски курю.
Их самые жгучие раны
Лелею и боготворю.

Как знаки высоких отличий,
Они мою грудь тяготят,
Но, словно бы песенки птичьи.
Легко мои вздохи летят.

Беседую с Вертером, Чацким,
Всё больше страхась вопрошать,
Как им в этом мире дурачком –
Нормально ли – мыслить, дышать?

В карманах издателей фиги
Я не разумею... понять...
Стихи из неизданной книги
Да слышат, кто может слышать.
21.11.1990

Сословие, характер и судьба –
Взаимосвязь настолько неподдельна,
Что, как морщины вытереть со лба,
Нельзя их нам рассматривать отдельно.

Сословием своим я дорожу,
Характером я часто недоволен.
И на судьбу поэтому гляжу:
Как в чистом поле перекасти-поле.

Да, зрелище!
Но скорбное, увы.
Я сызмальства картину эту помню;
Как будто я лишился головы,
И катится она по чисту полю.

И, всё дичая, тужит суховей
Над участью той головы курая
И мчит её всей силою своей,
А поле – вся Россия в край из края.

Ни красоты не ведая своей,
Ни собственной не понимая боли,
Полно безумных века скоростей,
Танцует в поле перекасти-поле.
1979

Две капельки голубенькой росы
На измождённой личности поэта
Свидетельствуют: он рождён в часы,
Когда планета жаждала рассвета.

Глаза-росинки, как цветочки льна
Родимого воронежского поля,
С приходом солнца высохнут до дна.
А как блестят в потёмках алкоголя!
1979

Я из хутора родом.
Я жил по станицам, аулам.
Потому – от земли –
От мычаний, кудахтаний, ржаний.

Только быстрая жизнь
Так судьбу мою вдруг крутанула,
Что село из-под ног,
И опять я почти горожанин.
1979

Хвалиться особо нечем,
Но нет никаких и жалоб.
И, право же, не мешало б
Об этом забыть и речи.

Но что говорить знакомым,
Которые то и дело:
«Что новенького?»
«Как дома?»
Мне так это надоело!

Так спрашивают, как будто
Каким-то таюсь секретом.
Я сам себя поминутно
Допытываюсь об этом.
1978

И куда это ты, жизнь, поворачиваешь?
И куда это ты, жизнь, меня гнёшь?
Перекраиваешь, да перестрачиваешь...
Что ж спросить меня не хошь:
«Как живёшь?»
1990

Детство моё
Суховетями рыжими
Было развеяно в Сальских степях.
Зной мою голову набело выжарил,
И навсегда я степями пропах.
1956

Далёкое,
Хоть памятью нахлынь!
Полосони степную душу ливнем!
Явись, явись видением счастливым,
Неповторимой сизости полынь!
1976

СОРНЯКИ

На тятку я присел к сараю;
О сорняках слагался стих.
Их не рыхлят, не удобряют,
А всё вырубавают их –
Растут...
Земля, давай им влагу,

Давай им, небо, солнца часть.
И ты, поэт давай бумагу
И вдохновенья битый час.
1965

Планета не без уродины,
Как мир – не без подлецов.
Не плюйте на землю Родины –
Ведь это её лицо!
1970-1987

У меня не ищите образов,
Ультрамодно ошеломляющих.
Полюбил я
 на зорьке розовой
в сени ласточек залетающих.

Полюбил у калитки вишню –
Как невеста, стоит, красавица!
В поле выйду,
 И в душу – слышу –
Ветры солнечные врываются.

Полюбил я ромашки в бороздах
Да кузнечиков, в них сверкающих,
У меня не ищите образов,
Ультрамодно ошеломляющих.
1961

Луна была от моего окна
Всего, быть может, в полукилометре.
А над оврагом, где плыла она,
Дремучий дуб задумался о ветре.

Ему, наверно, было тяжело
Стоять объятый тишиной и мраком.
И я молю, чтоб солнышко взошло
Над призрачностью дуба над оврагом.

Молю, чтоб солнце хлынуло в окно,
В глаза мои да в душу горевую,
Да чтоб благословило мне оно
Дорогу к богу, но во всём земную.
1977

Холодное солнце апреля
Сады до корней не прогрело,
И синий туман купороса
Похож на колючки мороза.
1971

По асфальту,
На крыши,
На стены
Дуновенье апреля несло
Абрикосную алую пену.
Замело лепестками село.

Как лебёдушки, девушки вышли,
Обновляя наряды свои.
И вот-вот заневестятся вишни
Тоже чувствуя пору любви.
1978

В окно комар на дух жилой влетает.
А за окном – такая благодать!
Низовьем гор туман плывёт. И тает.
Чуть слышно моросит. Пора вставать.

Свою так называемую Музу –
Капризную – жду семь ночей и дней...
Пора ломать сухую кукурузу
Да выкопать картошку до дождей.

Пора и жизнь недолгую итожить;
В такую осень – самая пора...
Но праздник жизни весь ещё не прожит,
И потому – рукам не до пера.
1978

Глаза не устают от красоты.
Глядишь ли ты в пустыню океана,
На гору ли орлиной высоты
С цветочной у подножия поляной, -
Глаза не устают от красоты.

Не знаешь даже, как назвать цветы,
Но чувствуешь, как сердце расцветает;
Доступное всевласть красоты,
Оно, как в песне, почему-то тает,
Хотя не знаешь, как назвать цветы.

Её черты обыденно просты.
Пленён ли ты полётом лёгким чайки
Иль царский гриб увидел сквозь кусты,
Поколесив по зарослям Камчатки, -
Глаза не устают от красоты.
1979

Так хочется в грёзы удариться,
Где нету ни зла, ни беды.
Где рано иль поздно отдадутся
Все боли твои, все труды.

Где чувства глубокие подлинны,
Где нету никчёмных минут...
Где, здравого смысла исполнены,
Понятные речи текут.

Где други с годами не старятся,
Где имя тебе – Человек!..
Так хочется в грёзы удариться
Да там и остаться навек.
Апрель 1990

Хотел купить тебе черешен,
Но... друг случился у пивной.
Я перед богом так не грешен,
Как грешен я перед тобой.

Прости, что я излишне часто
И слишком страстно принимал
Всё то, что видел ежечасно,
Что больше сердцем понимал.

Меня, как парус «Бригантины»
Крутила преданность людей,
И не вернуть ни день единый,
Ни то, что делал в этот день.

Правдиво чья-то шавка брешет,
Что поздно я иду домой...
Я перед богом так не грешен,
Как грешен я перед тобой...
1974

Стихов о маме нету у меня.
Но в сердце у меня печаль о маме.
Так больно видеть маму в пекле дня
Над грядкою с землистыми руками!...
1971

Мать моя поэтессой была.
Не была популярною, правда,
Но она любоваться могла
Повителью увитой оградой.
1963

Мне снится женщина одна,
Особенно, когда не спится.
А чуть вздремну – опять она,
Как и в действительности, снится.
О сновидение моё!..
В пылу какой-то смертной жажды
Я даже именем её
Назвал жену свою однажды.
1971

«Схожу-ка я замуж».
Из разговора

Мир такой необъятный – «замуж» -
У иных – как бельмо в глазу...
Это первое в жизни «ма-ма»,
Вызывающее слезу.

Это вовремя, чуть не скорбно
В окна рвущиеся глаза,
Словно должен не милый скоро,
А победа
Или гроза!

Ни обид, ни единой ссоры,
Если «замуж» как таковой.
Кто со мной не согласен, спорим –
Расплачиваюсь головой!..

Нет, не только утюг да тесто,
Как иной бы из нас хотел, -
Это чуть ли не министерство
Самых внутренних в жизни дел!
1972

ВДОВА

В осеннем сквере, под осиной,
Где звонко вихрится листва,
Над голубой коляской сына
Склонилась юная вдова.

Невиноватая нисколько,
Как в увядании трава,
Она из тех, о ком в посёлке
Бредёт недобрая молва.

Девчонку брошенкой назвали:
Сумели слово подобрать.
Но вряд ли думали и знали,
Как подлеца того назвать.

Она, конечно же, любила
По-настоящему. Как я...
Откуда знать девчонке было,
Что есть у милого семья?

Он для нее навеки умер.
И потому она – вдова.
Осенний сквер. Осина. Сумрак.
В коляску падает листва.

Не плачь над девушкой, осина, -
Она любви была верна.
Ты посмотри, какого сына
Благословила в жизнь она!
1963

Бабье лето –
Словно вдовьи думы:
Та же ясность,
Та же духота,
Даже долгота ночей угрюмых
Та же.
И всё та же красота.
1973

Тепла не хватает мне, тепла.
Метель мой дом по окна замела.
И даже почтальонка – мимо, мимо.
И даже не согреюсь дымом «Примы».
Тепла не хватает мне, тепла.
Когда бы любимая была...
Когда бы... а собственно, когда
По жилам моим текла вода?
Когда я ночных дождей боялся?
Когда я к любви не спотыкался?
Когда я?.. Не знаю. Никогда
Меня не обгоняли поезда.
Но где ж я неправильно свернул
И страшно разминулся с любовью?..
Чего ты в окно моё сверкнул,
О месяц? И звёзды – гурьбою
Набросились на чёрное стекло.
О, как моей бессоннице светло!
Но дом зима по стёкла замела.
Тепла не хватает мне, тепла...
Я снял с себя душивший душу свитер,
Нашёл и чистым полотенцем вытер
Чугунную, как жизнь, сковороду.
Я хлеб и соль в столе сейчас найду...
А впрочем, не хватает мне тепла.
Метелица подушки замела.
1963

Мир устроен не так,
Как хотели бы лучшие люди.
И хотя лучших больше в бесщётные тысячи раз,
Долго-долго ещё неуютно и холодно будет,
И одно только в жизни –
Любовь –
Будет радовать нас.
1969

Удар!
Из-под болоньи – ноги.
Как залпы. Как прожектора.
Как даль зовущая дороги.
О холостые вечера!..

Удар. И я уже не знаю,
Что истиннее этих ног...
Как долго в толк берёт сознание,
Что я настолько одинок.
1964

Ты, в траву упав, хотела
Мига жгуче-голубого.
Но истасканное тело
Зажигает не любого.

За бровей кусты густые
Я любил тебя. О, миги!..
Есть нутром, как ты, пустые,
Дорогие с виду книги.
1960

Тоска по красоте не возвышает,
Когда тоскуют низменно по ней.
А мне она так душу иссушает,
Что только разгорается сильнеей.

Без памяти любить меня не надо,
Хоть я такой любви поклонник был, -
Достаточно внимательного взгляда,
Чтоб я тебя без памяти любил.
1964-1979

Как помолиться тебе, мечта,
Чтоб ты при жизни моей сбылась?
Меня измаяла маета.
Я как слепой без любимых глаз.

Куда ни гляну – темным-темно.
И душу тучи заволокли.
К тебе иду я давным-давно.
А ты опять на краю земли.

Какой восславить тебя строкой?
С какого боку к тебе шагнуть,
Чтобы коснуться тебя рукой
Да слово ласковое шепнуть?

Как же мне жить без любимых глаз?
Как же молиться тебе, мечта,
Чтоб ты вот этой весной сбылась?
А может, нет тебя ни черта?

Может, придумана ты, как стих?
Но как прекрасна ты без прикрас!..
Я даже спал бы у ног твоих.
Когда бы ты, наконец, сбылась.
Февраль 1969

У юношей учитесь, старики,
Выхватывать у жизни те минуты.
Какие, всем моралям вопреки,
Выхватывают эти баламуты.
1978

МУМИЯ

Я в музее увидел мумию,
И мороз по коже прошёл:
Эта мумия мне жену мою
Так напомнила хорошо!
Ни испарины, ни раздумия
Не увидеть на камне лба;
К равнодушному сердцу мумии
Не дойдёт ни о чём мольба.
Я немало над этим думаю
И всегда прихожу к тому,
Что глядеть на живую мумию
Ни к чему в дому. Ни к чему.
21.1.1963

Я раз очаровался
И – разочаровался.
1988

Любви моей на свете равных нет.
Моя любовь настолько необъятна,
Что если я покину белый свет,
Она вернёт меня к тебе обратно.

И где бы ты на свете ни была,
И как бы не сложилась жизнь сурово,
Ты словно у источника тепла
Согреешься от ласкового слова.

Ты голос мой услышишь наяву
И ласку ощутишь, как этой ночью.
Не издали, не памятью – воочью
Увидишь, как цветок тебе сорву.
1970

Как горько:
Разочароваться
В неудержимости любви
Того, кто – так могло бы статься! –
Все беды принял бы твои.
Но горше во сто крат – смириться.
Обиду рыцарски простить,
Как бы привыкнуть, даже сжиться
С тем, что всего лишь погостить
На огонёк зашёл однажды
И задержался на часок,
На день... на год... без всякой жажды
Глотнул любви твоей глоток.

Как горько:
Разочароваться!
Но горше, горше во сто крат
Почти счастливым притворяться
С тем, кто ни сват тебе, ни брат.
1978

Мне грустно оттого, что нет тоски,
Что именем родным давно не бредил,
Что не сжимаю горестно виски,
Как будто ту, единственную, встретил.
Я знаю, как тоскуют колоски,
Которых взор поспешный не заметил,
Но, зная, сколь мечты их высоки,
Их зёрнышки разнёс по свету ветер.
1979

Как хотел бы куда-нибудь деться я
От согласия с каждым... во всём...
Опостылила эта инерция –
Как по круглому льду колесом.

Закипает немое отчаянье
Возразить, закричать, зарычать.
Но сжимаются зубы в молчании,
И опять я согласен...
Молчать.

Разорвитесь в орании, думаю.
Демократия. Гласность. Ага!..
Уж не проще ли с мордой угрюмою
Дурака понимать и врага?

Это, в общем, почти одинаково –
То усмешку, то ярость скрывать
И со знанием дела поддакивать,
И с подобием чувства кивать.
1990

Я у моря бродил подолгу.
Словно в жданках ковчега Ноя.
То мечтая – всю жизнь без толку,
То внимая волнам прибоя.

Чайки вскрикивали нелепо.
Плыли вдаль облака и тучи.
Был на Малой земле – вполнеба –
Пионерский костёр трескучий.

А однажды сквозь мглу тумана,
На рассвете влачась обратно,
Видел я паруса «Дункана»
И на нём капитана Гранта.
1966

Найди овальный, как волна, голыш
И положи удобней под затылок;
Закрой глаза – пусть думают, что спишь.
Какое тебе дело до ухмылок!
Прислушайся, впадая в забытьё,
Не к голосам – пускай смеются, спорят, -
Ты к вечности прислушайся, к её
Симфонии величественной моря.
1971

В Краснодаре
по Красной
прекрасно
Распласталась багровая осень.
Я жалею, пожалуй, напрасно,
Что сегодня мне не двадцать восемь.

Я иду налегке за грибами,
И от листьев на сердце легко.
Сорок восемь – ещё за горами,
Горы тоже ещё далеко.
1974

Люсе

Дорогой предвидел удачу.
К реке торопила заря.
Уже больше часа рыбачу,
А выудил лишь пескаря.

Что ж, кроме пескарика Мурке,
Несу я вот эти стихи.
Но жаль, что не будет дочурке
Из папиной рыбки ухи.
1979

ВЕСНА, ВЕСНА...

Я в ожидании весны
Прожил немало лет на юге;
Она врывается часто в сны,
Не раз с ума сводила друга.

Но вот с мимозами в руках,
Ещё холодная с мороза,
Она на модных каблуках
В мой дом нахлынула – ах, ах!
А имя – это ж надо: Роза!

И упоила допьяна,
И закружила, да так лихо.
Что за неделю с ней сполна
И я узнал, почём фунт лиха.

И вот опять весна чужая,
Холодновата и стройна,
Тоски моей не замечая,
Очарования полна.
Идёт – и над тоской смеётся
Лучами из-за облаков,
Идёт – и в сердце остаётся
Бесовский ритм её шагов.

Неторопливая походка.
Фасонно поднят воротник.
«Мадам, хорошая погодка!» -
Острил какой-то озорник.
Проходит, словно бы не зная,
Что парень в помыслах грешит,
Что красота её земная
Не только ей принадлежит.
1972-1987

Когда я с нетерпением буду ждать
Подругу, запоздавшую опять,
Мне надо, чтоб стояли надо мной
Деревья, осиянные луной.

Мне надо, чтоб весна вокруг была,
Да чтоб луна к рассвету не сплыла
С зеркальности ночной Карасуна.
Чтоб всё напоминало, что – весна!

Чтоб я забыл об осени своей,
Мне нужен одуревший соловей.
Но прежде – чтоб она скорей пришла
Да за руки холодные взяла.
1974

Ты, может, слишком молодая
И жаждешь большего огня.
Ты, может, слишком золотая
Для арматурного меня.

Тогда зачем ты назначаешь:
На остановке в шесть ноль-ноль?
Зачем приходишь и печалишь,
И не излечиваешь боль?

Когда сама под крышей ночи
Меня не хочешь обнимать,
У той, кому я нужен очень,
Меня не надо отнимать.
17.11.1963

О – заблудиться
В твоих густохвойных ресницах!
И не найти из них выхода
Н и к о г д а.
1970

Твои глаза!
О, если б дал мне бог,
Я счёл бы высшей радостью на свете:
Все километры
Всех земных дорог
Опять пройти,
Чтобы опять их встретить,
Твои глаза...
1975

И стало мне настолько ясно,
Как будто кто-то разъяснил,
Что я любовь твою напрасно
Так много лет боготворил.

Я разлюбил.

А это значит –

Да будет ведомо тебе,
Что стало грустно мне маячить
В твоих глазах...
В твоей судьбе...
1976

Счастливые люди – летят в Геленджик!
Красивая Люда, дебелий мужик.
1972

В КАФЕ «ЭЛЬБРУС»

В полуподвале на Тверском,
Не дожидаясь чехохбили,
Пронизанные сквозняком,
Мы сладко ром кубинский пили.

Там страсти низкие кричат.
Там высоко белеют ноги...
И мы смотрели на девчат,
Как будто были одиноки.

Стихи читали для души,
До крошки съели чехохбили.
Не потому, что алкаши,
А потому, что надо было.
1966

Зачем за молодость цепляться,
Когда она давно прошла,
Когда она – могло бы стать –
И состояться не могла.

Взгляни, и пусть проходит с богом
Счастливей, чем прошла твоя.
Не суетись перед порогом –
Далёкого ль? – небытия.

Коль ни одно из упоений
Не гаснет в памяти твоей,
Найди слова благословений
Да пожелай везений ей.

Взнуздай страстей безумных стансы,
Сердцебиение уйми
И в здравом разуме останься
С благоразумными людьми.
16.2 – 18.12.1990

Забавно мне сегодняшнее чтение;
Без лозунгов, зовущих в коммунизм...
В любой статье – одна альтернатива,
В любой другой – двуликий плюрализм.
1990

Видит бог, не пресна тематика
Книжек нынешних и газет.
Но ни мяса, ни сала шматика
В холодильниках наших нет.

Колбаса,
Как змея очковая,
Кусанула ценой своей...
Да, икорочка кабачковая
Застоялась с застойных дней!

Не нагрязнули, часом, гости бы.
Где достану? Как развернусь?
Ах ты мать моя! Прости, господи...
Как же совестно мне за Русь!
Декабрь 1990

ГОРЕ-КРИТИКУ

Не пойму тебя я, право.
Ты вроде флюгера. Но он,
Управляемый ветрами,
Работу знает как закон.

Почто же ты не знаешь точно,
Который ветер предпочесть –
То ль тот, что с юга, то ль восточный?
Отдал бы уж затишью честь.
1959

Я уже давно не критикую
Ни стиха, где б их ни прочитал,
Ни подругу жизни, не такую,
О какой полжизни промечтал.

Дни проходят как бы вхолостую.
В счёт ли, что устал бетон долбить?
По искусству слова я тоскую,
Мучаюсь, что некого любить.
1980

Меня любить –
Одно несчастье.
Легко ль понять тебе во мне
И к дальним странствиям пристрастье,
И страсть крестьянскую к земле?

Легко ль тебе
В снегах полей
Тюльпанов видеть полыхание?
Легко ль дышать одним дыханием
С капризной Музою моей?
1958-1979

Может, я попаду под машину,
Заглядевшись едва не в бреду
На красивую адски дивчину...
Может, во поле в зной упаду.

Знаю я, что погибну поэтом.
Может, нервами весь излучась ...
Но хотел бы не знать я об этом
Ни за год, ни за день, ни за час.
1969

С ЧЕГО НАЧАТЬ?

С поцелуя Её Величества –
Самой женственной красоты!
Чтобы, словно бы электричество,
Искры высечь из темноты.
Искры самой горячей радости,
Искры жизни!..

С чего ж ещё?

Коли нет в мире слаже сладости,
То и с этого –
Х о р о ш о!
1972

Милая, ты, кажется, устала.
А кровать заманчиво бела;
Убери, пожалуй, одеяло
Да ложись в чём мама родила.

Успокой мои шальные нервы.
Дай рукам божественную блажь.
Помоги забыть объятья стервы,
Беспардонных глаз её мираж.

Не сердись.
Я вовсе не ругаюсь.
Я люблю, одну тебя люблю!
А бранюсь – так это просто каюсь,
Что на мне горят засосы шлюх.

Я теперь отчаянно жалею,
Что бывали разные дела...
Не сердись.
И поцелуй сильнее,
Милая, в чём мама родила.
1963

А пожалуй, не к лицу добру молодцу
В поликлинику ходить по здоровьицу.

В поликлинику ходить да похаживать,
Да любимую болячку поглаживать.

А потом хромать в аптеку с рецептами
Да режимы уточнять с фармацевтами.

Ой, как дело это мне надоело – жуть!
И решил я своё тело закалить хоть чуть.

Нахватавшись от жены подзатыльников,
Как погнал я дорогих собутыльников!

Как загрёб я папиросы да как выбросил,
Да гантели у соседа я как выпросил!..

Не к лицу ведь, не к лицу добру молодцу
В поликлинику ходить по здоровьицу.
1980

Бегу – меня преследует вопрос:

Зачем?

В автобус надо втиснуться успеть.

Зачем?

Домой. Как можно поскорей домой.

Зачем?

В тепло. Да и поужинать не грех.

Зачем?

Чтоб жить, конечно. Ну, существовать.

Зачем?

Любить, наверно. Горько, но любить.

Зачем?

Да глупому-то сердцу не докажешь.

1976

Если бы я однажды,
Перемахнув балкон девятого этажа,
Канул в бесконечную глубину небытия,
Я бы не сжался в жалкий комочек,
Как в постели,
Когда в тягучие часы бессонницы
Почудилась мне эта нелепая картина, -
Я бы ухватился мёртвой хваткой
За провода,
Соединяющие умы и души
Народов всех времён и континентов,
Или поплыл бы среди облаков,
Гимн сотворяя
И крыльям Икара,
И нашим коврам-самолётам...

Впрочем, опасна не столь и земля,
Столько годов мне дававшая хлеб,
Столько годов мне дарившая редкую радость цветов,
Щедро открывшая тайну познания жизни –
Тайну, которая странно похожа
На осторожное шествие наше по первому льду,
Когда впереди –
Резко пронизанный солнцем туман,
А позади –
Нечто уже неживое, абстрактное,
Страшно далёкое Прошлое –
Даже мелькнувшая бабочкой только что в Лету минута, -
Ибо, как я убеждаюсь на каждом шагу,
Неповторимо

ни одно
мгновенье!...

Но вероятней всего
Я бы проснулся в паденье,
Не долетев хоть на четверть
Страшной загадки Земли.
1969-1973

Среда литературная, пасую.
Начитанным твоим говорунам
Я был неподходящий собеседник,
И потому ловил я молча мысль.

О, нет! Я в знаменитости не рвусь.
Потомок независтливой породы,
Я знаю, что меня узнает Русь,
Как многих узнавала – через годы.

Я радуюсь метелице в окно,
Я мысленно пишу письмо Галине,
И грустно мне, что не дойдёт оно
Таким, каким я вижу его ныне.

Так трудно на бумаге изложить
Всё то, что повергает сердце в трепет.
Всё то, чем я живу и смею жить,
В письме предстанет, как нелепый лепет.

Не потому, что я Неберекутин,
Но, как сказал талантливый поэт,
Мне хочется во всём дойти до сути;
Иначе жить, пожалуй, смысла нет.
1980

Безвестные поэты умирают
Без вздыханий, что не знают их.
Они не умирают,
Но сгорают,
Не написав ни строчки ради книг.
И потому не знают их,

Известных
Как непрактичных в жизни до того,

Что им смешно среди людей бесчестных
Успеха добиваться своего.
1974

ШУТКА

Хватая пальму первенства –
С руки ли, не с руки, -
Талантами померяться
Решили старики.

Тянули её, бедную –
Оп-па! Ещё разок!..
Держал её, победную,
Никола Доризо.

Её касались робкие,
Хмелея, как с вина...
Сезон в ручищах Робкиных
Помаялась она.

А я стоял поодали,
Где тишь да благодать,
И хохотал до одури:
Потеха – наблюдать!

Юнцы и седовласые,
Кто радостно, кто зло,
До славы ласым-ласые,
Трубили ремесло!

Запыхивались, нервные,
Иные – в грудь бия,
Все далеко не первые.
Ну, насмотрелся я!

Ведь веровали, молодцы,
Что кто-нибудь из них

Дорвётся иль домолится
До листиков святых.

Сегодня все подкованы;
Талантами блестя,
Иные пишут романы,
Иные – повестя.

Но так и не поверится,
Сколь я не буду жить,
Что эта пальма первенства
Не мне принадлежит.
1972

Далеко за полночь просыпаюсь,
Жду в окно раскрытое зарю,
Думаю о сверстниках да маюсь,
Да судьбу за жизнь благодарю.

Как мы вдохновенно жить стремились!
Но из нашей дружеской братвы
Многие уже отсуетились
И молчат под сенью сон-травы.

Не для них восходит первый лучик.
Осветив равнину тишины,
Солнце мне напомнило сквозь тучи:
Дни твои ещё не сочтены.

... Жизнь моя!
Ты вся как на ладони –
С самых первых до горчайших дней.
Что же ни один из них не тонет
В беспощадной памяти моей?
1978

В наш часто спотыкающийся век –
Жаль, что не все мы это понимаем, -
Как всякий незлобивый человек,
Всю жизнь я был гоним и угнетаем.
1987

Ищу начала...
Ищу основы...
Когда ж придёт мой страшный суд,
Меня положат в дом сосновый
И за посёлок понесут.

Ничто в конце концов не вечно.
Тем более не вечен ты.
О том, что время быстротечно,
Так просто говорят цветы.

С какою страстью захочу я,
Войдя в заживленную жуть,
хоть что-нибудь
С земли почуять,
На жизнь наземную взглянуть!..

Цветы, которым я началом,
Основой стану,

по весне

Достанут тихими ночами
росу, бродившую во мне.

-

Я счастлив тем, что не тщеславен.
Творил я в меру своих сил
И никогда душевный пламень
Расчётом хладным не гасил.
1957-1977

ПОПЫТКА РУБАИ
(глядя на вьюгу в окно)

Не раз теряя с браги жизни путь,
Я умудрялся в бурьяне уснуть.
А вот в такую непогоду я мог бы
В буквальном смысле ноги протянуть.
1989

Вячеславу Оноприенко,
художнику и скульптору

Мы иногда чуть-чуть приоткрываем
Сплошную ширму в тот незримый мир,
Где очень редко зрячими бываем,
Но где слепым не нужен поводырь.
И видим мы в те чудные мгновенья
Разумность и гармонию во всём,
И в мысли наши проблеск вдохновенья
Врывается,
И мы его несём
В сей мир, где, спотыкаясь ежечасно,
Подобно ленте серости сплошной,
Прозреньем прерываемой не часто,
Стремится к совершенству шар земной.
1979-1985

В стремлении похвальном к идеалу
Ты забывала, Родина, детей.
И потому так много их не стало
В отчаявшейся памяти твоей.

Всю жизнь дитя,
Я плачу постоянно,
Терзаемый желанием понять
Грехи твоих идей
и покаянья,

О Родина – любовь моя и мать!

В веках тебе стоять на пьедестале.
Ты потому с него и не сошла,
Что в честь твою стучать не перестали
Сердца твоих детей в колокола.
Ноябрь 1990

У КНИЖНЫХ ПОЛОК

Меня библиотека тяготит.
Я вижу в ней техническое нечто,
Хоть и стоит здесь не один пиит,
Который на земле пребудет вечно.

Великие, святые имена!..
В моих слезах здесь не одна страница.
Но занимает более меня
Всё то, что в стороне от книг творится.

Уитмен. Дудин. Лермонтов. Кайсын...
Вот я беру классическую прозу,
А взгляд косит лукаво на часы,
А руки сами ищут папиросу.

И вот уже Тургенев на столе.
И Гёте мне чего-то неохота...
Не говоря о прочем ремесле,
Скучна мне многих классиков работа.

И вот уже я издали гляжу
На милую мою библиотеку.
Вот ключ в руке. И вот я ухожу
За хлебом... к юрисконсульту... в аптеку.

Вот стал я: надо строчку написать
О том, как мысль живая трудно зреет.
И в этой дискармонии искать
Гармонию – навряд ли смысл имеет.
1982

Я понимаю тех, кто с пониманьем,
С акцентом ударенья скажет: «Блок».
И всё же формируюсь под влияньем
Кинжально-хладных лермонтовских строк.
1990

ИЗ «ДНЕВНИКА» СТУДЕНТА

Сижу, под стол забросив ноги
И сонно голову клоня.
Я сплю почти.
А педагоги
Поэтом делают меня.
1964

Пресловутые «муки творчества»
Понимаю. Но не тогда,
Когда мысли единоборчество
С чувством ладится без труда.
1990

МОНОЛОГ В ГЛУШИ

Кому они нужны, мои приветы?
И пожеланья здравия – кому?
Издатели, читатели, поэты
Отныне чужды сердцу моему.

Да я и сам – как совам Солженицын,
Ни брат, ни сват ни тем и ни другим.
От этих райских дебрей до столицы
Никто не бредит именем моим.
1978-1990

Писать стихи – искусство. И не то,
Что пробивать их правдой и неправдой.
Пускай их не печатают – зато
Они тебе за честный труд наградой.
1982

Банка «Мелкого частичка»,
В блюдцах – прочие яства.
Я один из участников
Поголовного пьянства.

Будь бы свадьба иль проводы,
Мировая бы – с драки...
Безо всякого повода,
Без нужды безо всякой.

Мне с коллегами пьяными,
Ухмыляясь нелепо,
Жарить водку стаканами
Проще пареной репы.

Вот мы, вылакав начисто
Капли горькие наши,
Вышли, полные натиска
И друг друга обнявши.

Мы, горланя, шатаемся,
Тычем друг друга в рожи.
Мы, конечно, не нравимся
В доску трезвым прохожим.

А какое им дело,
Кто мы, что мы и прочее?
Мы живём, как хотело
Наше право рабочее!

Мы кидаем по рубчику,
Напролом – к «Гастроному»;
Эй, дорогу голубчику!
И – дают, как больному.

Словно с горького горюшка,
Но с какого – не знаем,
За углом пьём из горлышка,
Рукавом загрызаем.

Вот, как будто из омута,
Я ору, как глухому,
Дорогому кому-то:
- Как пройти мне до дому?..

Из-под ног вырывается
Земля-матушка крыгой.
И луна насмехается
Надо мной, забулдыгой!
1965

О, нет, я этим не страдаю,
Хоть иногда и припадаю,
Беду вином я не залью,
А жизнь и без вина люблю.

Навеселе порой бываю
Не потому, что запиваю,
Но потому, что жизнь люблю.
А пьянки сам я не терплю.
1983

А жизнь быстра.
У жизни сто колёс.
И каждое из них – по нашим судьбам.
Ну, кто её колёс не перенёс?..
Но разве мы за это жизнь осудим?

Она права.
Сурова, но права.
И если ты отстал с бедой своею,
Ей, бешено летящей,
Трын-трава,
Что ты ещё вчера стоял над нею.
1969

В кругу друзей мы все немного врем.
От этого неловко мне и скучно.
Мы честно любим.
Мы не подведём.
Мы руки жмём друг другу так радушно.

Порой мы даже яростно хотим
И правды, и разумности высокой.
Но почему мы так боготворим
В себе и ближних
Чистоту истоков?

Подумайте, друзья, не потому ль,
Что не всегда за правду смеем драться,
Что от словес фальшивых,
Как от пуль,
Не знаем иногда, куда деваться!

О том, что мы друзьям умеем врать,
Что часто мне от этого не спится,
Хотел бы я поэму написать.
Но это для сюжета не годится.
1979

На свете зло неистребимо,
Когда всесильное добро,
Встречаясь с ним, проходит мимо,
Изворотясь, как зло хитро.

На свете зло искоренимо,
Когда с ним борется добро
Не под личиной правды мнимой,
Но кулачиной под ребро.
1976

Куда бы ни шёл я, куда бы ни ехал,
Я справок с собой не беру никаких.
В дороге поэта они – лишь помеха.
Единственный стих достовернее их.
1975

Мой горячий, как ветер, Пегас
Наконец, долетел до Парнаса!
Только там его пыл и погас:
Так не много там было поэтов.

Даже некого зарифмовать!..
И зачем мы так жизнь свою крутим?
Ты устал. Упади на кровать
И забудь, что ты Неберекутин.
1974

Раньше я редактором работал.
А теперь служу на пилораме.
У реки, за крайними дворами
Брёвна пилим до седьмого пота.

А в субботу
По боку работу.
Надо на базар в район смотаться.
Дождь некстати;
Только, может статься,
Он-то и развеет мне дремоту.

Грустно вербы надо мной повисли.
Долго жду попутку у развилки.
Раньше в голове мелькали мысли,
А теперь сверкают в ней опилки.
1978

Вчера навстречу адовой метели
Летел я – только искры из-под ног.
Я успевал, но руки коченели,
В кармане «Беломор» достать не мог.

Потом я думал на плацкартной полке,
Уставившись в полуслепой плафон.
И вдруг возникла – ясная настолько,
Что видел я, - картина похорон.

С чего бы – среди грохота, мороки,
Среди толпы и возгласов шальных?..
Но сами по себе сложились строки,
И я, не записав, запомнил их:

Закоченеют рученьки однажды
Да так вовеки и не отойдут,
И губы, пересохшие от жажды,
К истокам бытия не припадут.

Какой контраст в предчувствии печальном!
Знаменья зла и радость правды в нём,
О роковая связь конца с началом –
Связь ночи непроглядной с ясным днём.

Колёса жизни что ни есть земное
В свой срок сомнут, как засуха траву.
Пока они грохочут надо мною,
Я тайно радость чувствую: живу!
1978

Хотел бы я, навеки отходя,
Увидеть и любимую, и друга.
Хотел бы, чтобы не было дождя;
Пусть лучше надо мной потужит вьюга.
1982

И снова я молю тебя, сонет,
Запечатлеть, как в кровь кусаю губы,
Как радуюсь, что вижу белый свет,
Как мучаюсь, что дни пошли на убыль.

Тщета надежд горька на склоне лет,
Как смелый поцелуй чужой голубы;
Коль влаги родниковой в дебрях нет,
Стоячая вода не ломит губы.

И - некого, и – незачем молить...
Мой парус неуклонно будет плыть
Меж волн житейских в сторону заката.

Как не старайся я его рулить,
Не будет на земле мне, знаю свято,
Ни дня продленья и ни дня возврата.
1982

Я провожал и близких, и знакомых.
И всякий раз и чувствовал, и знал,
Что, хороня их, горестно-спокойных,
И сам частицей сердца умирал.

И никуда от этого не деться.
Проводят и меня в последний путь,
И так же не одно сожмётся сердце,
И камень не в одну заляжет грудь.
1982

На какую бы мне планету,
Где вопросов нелепых нету?
1972

К ЛИШНИМ ВСЕВЫШНИМ
(молитва)

В часы рассветного вдохновения
Забываю теорию стихосложения
И по-своему гимн пою
Вознесению
Во Вселенную.
Становлюсь, как становились испокон,
И на тайное самое загадывая,
Как тусклому величию икон,
Всевышние лишние,
Вам докладываю:
Как хотели б вы по рукам
И Рембо, и Делакруа!

Но за внештатными поэтами
Есть кровью писаное право –
Кромсать всевышних кастетами
Налево и направо!

Мне без Есенина, как полю
Весной без пахаря, тоскливо.
Но я глаза вам помозолю,
Поулыбаюсь с вами криво.

А на лире моей была
Голосна, как соловей, струна,
Да всевышняя одна сатана
Не расслышала и рогом сорвала!
На музе моей была печать –
Пусть горестной, но собственной души.

Но серыми птичками её помечать
Изволили карандаши...

Заодно с моими стихами –
С их пульсацией, с их грехами –
Вы проглатывали с потрохами
Всего меня
И давным-давно.
И сего дня.

Вы, как яблоко сада спелого,
Проглатывали Андрея Белого.
И, во славе приземной рея,
Вы сегодняшнего Андрея
Разнести
на куски готовы –
От Японии до Айовы!..

Я, каюсь, каркал по-вороньи,
Когда к воронам попадал,
И даже с разрешенья Крони¹
Стихи издательству отдал.

Меня едва ль не с колыбельных дней
Держала жизнь в ежовых рукавицах.
Я становился на ноги сильней,
Но как непросто было становиться...

Но в глаза мои –
Зелёные деревья,
Те же самые,
Которые издревле
Нежно радовали глаз
Человеческий
И того, кто агнец пас

¹ Крони – Кронид Обойщиков

Древнегреческих,
И тем более сейчас
Нас, зареченских.

Знаю намертво сердца силу.
Однажды, в прекрасный час,
Как стремительный «Наутилус»,
Оно вынесет на Парнас
Не услышанного меня-с
В чермете
Сиих лихолетий,
Сего дня.

Хотите, в прозу жизни вашей
Строку поэзии внесу?
Скажите, кто у вас этот, важный,
Который ковыряется в носу?

Всевышние,
Слышите!
Вижу, есть среди вас глухие;
Так к чёртовой матери кыш те!
Всевышние из вас плохие.
Праведники из вас никчёмные.
Дела с вами плохи и шутки,
Как нажелто закопчённые
На берегу экзотики чешуйки...

Стучать разумно ли в тот дом,
Где никого нет дома,
Где так богаты сквозняком
Мозги любого гнома?

Я давно не в лихорадочном жару.
Не докладываю вам, а о р у,
Чтобы слышала меня молодёжь
Сквозь всевышний ваш,

Сквозь лишний
Галдёж:
Ваша братия смертно ранила
Заболоцкого,
Северянина!..

Слышите,
Лишние,
Как со мной до утра не спят
В стих мой верящие лягушки,
Как со мной камышанки скрипят,
Как кукуют со мной кукушки!

Видите, всевышние асы,
Как я с вами тачаю лясы?
Но кулак мой костистый просится
В ваши тучные переносицы!

Я дошёл своим трудным сознанием,
Что... будь проклята ваша среда!
Что молитвенным долгим страданием
Я напрасно страдал.
Ведь моление – вечно крайнее,
А стену пробивает орание
Даже самых изношенных истин,
Даже самых ненужных мыслей,
Ну, допустим, что я прописан
У болота, где воздух кислый.

Задыхаясь дымами Гренады,
Не зубрил я созвучий Эллады.
Било сердце моё, как кувалда,
В наковальню Оскара Уайльда.

Знаю намертво сердца силу –
Однажды, в прекрасный час,
Как стремительный «Наутилус»,

Оно вынесет на Парнас
Не услышанного меня-с!..
Зря ль за внештатными поэтами
Есть кровью писаное право:
Кромсать
Всевышних
Кастетами
Налево и направо!

Я увидел давным-давно
У всевышних в глазу бревно,
И с восточных часов утра
Чистый голос души орал:
- Эй, не смейте, вы, по рукам
Брата нашего, старика!..
Но, как верующий в молении
Я в те дни протирал колени.
А сегодня дошёл сознанием,
Что возьму вас не лобызанием.
Я дойду до вашей «культуры»,
До зарвавшейся верхотуры
С боевым куском арматуры!
Заготовьте восьмые шкуры,
Курвы!
1966

Вчера я распрощался с Краснодаром
И лихом попросил не поминать.
Я тридцать лет ему отдал недаром.
Теперь мы вряд ли свидимся опять.

Кубань, Кубань!
Жемчужина России!..
Пожалуй, это точные слова.
Она в моих глазах российски-синих
Осталась так, что кругом голова.

Я припадал к ней жаркими губами,
Но, кровный сын воронежских земель,
Я что-то не заметил на Кубани
Таких, как я, законченных Емель.

-

Кубань не родила ещё поэта.
Сто лет она беременной была
И всё же, не способная на это,
Она его ещё не родила.
1975-1979

Стихи необязательно орать.
Они о красоте расскажут сами.
Записанные в тонкую тетрадь,
Не лучше ли их выучить глазами?
1972

Публикации из «Вилючинской газеты» 1993-1994 годов

Что с красоты, когда она чужая?
Как ни люби, ты будешь принуждён,
Вокруг неё по-нищенски блуждая,
Признаться, что не в те часы рождён.
И как ни уверяй себя при этом
В доступности зовущей красоты –
Ты в этом смысле можешь быть поэтом, -
И всё же – человек сначала ты.

Я не приду.
В твои покои,
Снимая шляпу не войду
И загрубелою рукою
По завиткам не проведу.
Но если дом твой на рассвете,

Ловят наши заскоки
И бросают на ветер.
Словно деньги у скряги –
Под подушкой, в карманах:
Всё бумаги, бумаги –
Взлёты мыслей обманных.
Дом похож на берлогу
За чертой лесовала...
Все мы пишем помногу –
Да печатаем мало.
Не бумаги – задворки
Коленкора да супера.
Жил бы, думаю, Горький!
Только разве ж он умер, а?
Вот сейчас бы, как другу,
Ладно скроен, рассеян,
Протянул бы мне руку
Вдруг вошедший Есенин.
Уж ему-то, родному
И полям, и собакам,
Прочитал бы я, дома,
Где над строчками плакал.
И – клянусь дивным светом,
Несказанным и синим –
Коль назвал бы поэтом,
Услыхала б Россия!
1963

Как много я стихов не написал,
Верней, не записал – считал напрасным;
То против чуждых слов протестовал,
То образ, как в тумане, был неясным.
Как часто забывал я, что живу.
Хотя иной всю жизнь о том не знает.
Жизнь – не рубаха – рвётся не по шву,
Но, как виденье, зримо исчезает.

Чтобы времени,
Столь быстротечного,
Под завязку хватило с меня,
Мне хотелось бы дня
Бесконечного,
Беззакатного
Ясного дня.
Мне мечтается –
Как затевается;
Увязать бы затею с мечтой!
Что-то деется,
Но получается
Нечто – в общем и целом – ничто.
Так, задумка порой намечается,
Смотришь: проще простого, легко;
Вот, в руках!
Но, как сон, обрывается
И опять – далеко-далеко.
Начинаю обдумывать заново
Бытовщину... судьбу... и строку...
Но уже опускается занавес
Тёмной ночи,
И день мне: ку-ку!
За окном,
Где-то в области Млечного,
Звёзд мерцанье, как мышья возня.
И опять я хочу бесконечного,
Никогда не бывавшего дня.

ПЯТЬ СТРОФ

Моим врагам, которые
Умрут
За свой уют,
Мои успехи трудные
Покоя не дают.

Земля объята полночью.

И люди

Забыли о делах своих, азартах...

А завтра будет праздник!

Если будет.

Каким бы оно ни было.

То Завтра.

О каком уж там, бог мой, счастья

Может русский мужик мечтать!

Хоть бы с год при народовластии

О свободе не повздыхать.

1993

СОСНА И СОКОЛ

Она, как спрут,

Впилась корнями в камни.

Какие ж ветры семя занесли

За тридевять земель от той земли,

Где рощи корабельные веками

Стоят,

как свечи ровные,

высоко?

В расщелине, где выжила сосна,

Как равноправный,

поселился сокол;

у них к свободе волюшка одна.

Пожелай хоть однажды забыться,

Чтоб вовек уже не захотеть

Ни скандалить ни с кем,

Ни мириться,

Ни мечтать,

Ни влюбляться,

Ни петь.

Чтобы сердце могло разорваться,
Как рубаха вступившего в бой,
Пожелай от всего отказаться,
Что мешало тебе быть собой.
Пожелай хоть однажды напиться
Синева законной,
И – всласть,
Чтобы,
 если уж скоро случится,
То на полном дыханье упасть.

На гололёдистом шоссе
Скользят голодные вороны.
Вдруг – грузовик,
И вдруг – не все
Оказываются проворны.
И те, которые смогли
Взмахнуть крылами в перепуге,
Уже в берёзовой дали
Негромко крикнули подруге.
Что значил крик среди ветвей,
Где эхо долгое витало?
Быть может, как и у людей, -
Плач, что живой души не стало?

Вилючинская газета. – 1993. - № 41. – С.3.

Когда сумятицы весенней
Нахлынет властная пора,
Ко мне в одно из воскресений
С утра нагрянет детвора.

То будет день рожденья дочки.
Уж потанцуем, попоём!
Но где в снегах дальневосточных
Достать цветочки для неё?

Поскольку здесь ещё и в мае
Сугробы в мой немалый рост.
Пойду-ка я да наломаю
Морозных веточек берёз.

Поставлю их на три недели
В живую воду да на свет,
И выдам ей в конце апреля
Зелёных листиков букет!
1971

Как я хочу, родная, встать на зорьке
И к свежей розе губ твоих припасть,
И, не коснувшись сигареты горькой,
Твоим дыханьем надышаться всласть.
Раскрыть окно, чтоб острый запах лилий
Волнами заходил в душе твоей,
И чтоб тебя лучи не разбудили,
Задёрнуть шторы, пчёл вспугнуть на ней.
А самому, поправив покрывало,
Присесть на край кровати и смотреть,
Как ты чиста, как женственна...
Как мало
Достоин я сокровище иметь!
То будет май!
То будет воскресенье!
Ты будешь спать, а я – тебя любить,
И волосы смятеньем туч весенних
Красиво по подушке будут плыть.
Так я хочу.
И встану я на зорьке,
Чтоб к свежей розе губ твоих припасть,
И, не коснувшись сигареты горькой,
Я надышусь твоим дыханьем всласть.

Когда обидит близкий человек,
Не огневись и скрой, что дуешь губы.
Перемолчи, спокойно стиснув зубы,
И не ищи под звёздами ночлег.

Уйми соблазн по нервам хлопнуть дверью,
Уйди в себя и навсегда забудь,
Чтоб нестерпимо не саднило грудь,
Что обманул её святую веру.

Уединись.
А если не забыл,
И с совестью расходится обида.
Тогда ты прав, тогда не делай вида
И согласишься, что любишь, как любил.

Я встретил в декабре свою весну.
Признаться, я поверил ей не очень,
Но с той минуты, прежде чем уснуть,
Подолгу ей желал я доброй ночи.

А вскоре, как очнувшись ото сна,
Попал в такую круговерть метели!
Обманчива декабрьская весна,
Как снег, летящий первого апреля.
1964

А я с годами не старею.
Легко несу года свои.
Я только тщательнее бреюсь
Да жду тоскливее любви.

«Любовь не вздохи на скамейке
И не прогулки при луне».

Так можно написать в статейке.
А в жизни так отрадно мне
Взглянуть на милую девчонку –
От каблучков и до бровей –
И жарко выдохнуть вдогонку
Тоску и страсть души моей...

ИЗ МИНИАТЮР

О женщины весенние, вы – чудо!
В косынках и на модных каблучках...
К лицу вам даже лёгкая простуда,
Когда у вас платочки в кулачках.

То снилось мне, что я тебя любил,
Что я одну тебя боготворил,
Что канарейкой в клетке сердце билось...
Ещё бы раз мне та любовь приснилась!

Забуть твою калитку
В зелёном углу плетня!
Забуть твою улыбку,
Сиявшую на меня!

Ни словом, ни единой запятой
Ни в чём, ни в чём тебя не упрекаю,
Заплаканные окна протираю
И жду тебя. И жив одной тобой.

НЕВЕСТКА

У неё не было мечты
Во что бы ни стало
Вскарабкаться на вершину искусства.
Её сжигала страсть
Говорить со сцены,
Жестикулировать,
Как видела не раз,

Задумываться, голос понижая,
Всё тише, тише, тише говоря,
Дойти почти до шёпота
И вдруг,
Как та гроза над дерзкой Катериной,
Взорваться, задремавших разбудя,
И высказать всю горечь героини,
Всю боль её обманутого чувства,
Всю безутешность...

Так она видела не раз.
Так ей самой хотелось говорить.
И так её учил руководитель,
Присланный из города с бумагой
О том, что постигал азы искусства.

Они недолго мучили друг друга.
В субботу, когда выпал первый снег,
Они, на вечер глядя, поженились.
И загодя до первой их премьеры
На мотоцикле
Выбыли
Из станицы.

Свёкор называл её кралей,
В глаза – по-стариковски этак льстя,
Большущей пятернёю обхватив
Торчащую на испитом лице щетину
И жёлтые показывая зубы,
А за глаза – запальчиво озлясь,
Что сын привёл такую неумеху.

Она не умела ещё белить
Так, чтоб взгляды светлели в доме.
Не умела готовить борщ,
От которого за уши не оттянешь.
Днями напролёт

Она воображала себя на сцене
И жила любовью к мужу,
Сбившемуся в поисках работы с ног.

Однажды вечером,
Цокоча по искрящемся тротуару из ДК,
Где её охотно записали в драмкружок,
Она, повиснув на локте своего Алёхи,
Вдруг сообщила,
Что завтра,
С утра,
У неё – день рождения!

И – видели бы, как она старалась!
В кофтёнке за квартал таскала воду,
Какой-то содой чистила кастрюли,
Ножом капусту прям-таки рубила
И, как Дюймовочка, маленькая,
Поминутно увлажняя веник,
Во всех углах достала паутину.

И – видели бы, как она плясала!
Я никогда за жизнь свою не видел.
Чтоб барыню плясали так умело,
Чтоб каблучки музыку забивали!
Аж лампочка от вихря чуть не гасла.
Так ярко польхая
И колеблясь
Над нею,
Как звезда её судьбы!
Цыганочку плясала,
Как цыганка,
Как цыганка,
Блестя большими чёрными очами
И так жестикулируя, как будто,
На счастье загадав, швыряла карты,
О, как ей было тесно в этом доме,

Как будто улетающей на скалы,
Где жизнь свою решила Катерина.
О, как она была пьяна любовью
К измучившему свой баян Алёшке,
Который видел, что она смеялась
Своею пляской
Над улыбкой свёкра...
В тот день она отпраздновала разом

Весны своей последние минуты –
Минуты восемнадцатой весны, -
И день рожденья,
И начало жизни!

Вилючинская газета. – 1994. - № 13. – С.2.

Люди добрые, день свой отдавшие
Ради мира да славы страны,
Отдохнём, богатырски уставшие,
Загадав по обычаю сны.

Пусть приснится вам в ночь новогоднюю,
Как берёте вы новый рубеж...
Пусть приснится река полноводная
С белым парусом ваших надежд.

Пусть обиды да ссоры забудутся
Так, чтоб не было весь этот год...
Пусть мечты ваши лучшие сбудутся,
С Новым годом, камчатский народ!

Вилючинская газета. – 1994. - № 52. – С. 1.

Сборники Алексея Фёдоровича Неберекутина,
изданные в 1971-1978 годах.
Хранятся в фонде Ростовской-на-Дону научной библиотеки.

Содержание

Автобиография	3
Одним дыханием: [из сборника стихотворений]	6
[Вступительное слово]	7
«Стихи из неизданной книги...»	8
«Сословие, характер и судьба - ...»	9
«Две капельки голубенькой росы...»	10
«Я из хутора родом...»	10
«Хвалиться особо нечем...»	10
«И куда ты, жизнь, поворачиваешь?»	11
«Детство моё суховеями рыжими...»	11
«Далёкое, хоть памятью нахлынь!...»	11
Сорняки	11
«Планета не без уродины...»	12
«У меня не ищите образов...»	12
«Луна была от моего окна...»	12
«Холодное солнце апреля...»	13
«По асфальту, на крыши, на стены...»	13
« В окно комар на дух жилой влетает...»	13
«Глаза не устают от красоты...»	14
«Так хочется в грёзы удариться...»	14
«Хотел купить тебе черешен...»	15
«Стихов о маме нету у меня...»	15
«Мать моя поэтессой была...»	16
«Мне снится женщина одна...»	16
«Мир, такой необъятный – «замуж...»	16
Вдова	17
«Держу пари, я не осёл...»	18
«Прекрасна, как законченность сонета...»	18
«Не снилось ли, что я тебя любил...»	18
«Бабье лето – словно вдовьи думы...»	19
«Тепла не хватает мне, тепла...»	19
«Мир устроен не так...»	20
«Удар! Из-под болоньи – ноги...»	20
«Ты, в траву упав, хотела...»	20

«Тоска по красоте не возвышает...»	21
«Как помолиться тебе, мечта...»	21
«У юношей учитеесь, старики...»	22
Мумия	22
«Я раз очаровался...»	22
«Любви моей на свете равных нет...»	22
«Как горько: разочароваться...»	23
«Мне грустно оттого, что нет тоски...»	23
«Как хотел бы куда-нибудь деться я...»	24
«Я у моря бродил подолгу...»	24
«Найди овальный, как волна, голыш...»	25
«В Краснодаре по Красной прекрасно...»	25
«Дорогой предвидел удачу...»	25
Весна, весна...	26
«Я в ожидании весны...»	26
«И вот опять весна чужая...»	26
«Когда я с нетерпеньем буду ждать...»	27
«Ты, может, слишком молодая...»	27
«О – заблудиться...»	28
«Твои глаза! О, если б дал мне бог...»	28
«И стало мне настолько ясно...»	28
«Счастливые люди...»	29
В кафе «Эльбрус»	29
«Зачем за молодость цепляться...»	29
«Забавно мне сегодняшнее чтиво...»	30
«Видит бог, не пресна тематика...»	30
Горе-критику	30
«Я уже давно не критикую...»	31
«Меня любить – одно несчастье...»	31
«Может, я попаду под машину...»	31
С чего начать?	32
«Милая, ты, наверное, устала...»	32
«А пожалуй, не к лицу добру молодцу...»	33
«Бегу – меня преследует вопрос...»	33
«Если бы я однажды...»	34
«Среда литературная, пасую...»	35
«Безвестные поэты умирают...»	36

Шутка	36
«Далеко за полночь просыпаюсь...»	37
«В наш часто спотыкающийся век...»	38
«Ищу начала... Ищу основы...»	38
Попытка рубайи	39
«Мы иногда чуть-чуть приоткрываем...»	39
«В стремлении похвальном к идеалу...»	40
У книжных полок	40
«Я понимаю тех, кто с понимаем...»	41
Из «Дневника» студента	41
«Пресловутые «муки творчества»...»	41
Монолог в глуши	42
«Писать стихи – искусство. И не то...»	42
«Банка «Мелкого частичка»...»	42
«О, нет, я этим не страдаю...»	43
«А жизнь быстра. У жизни сто колёс...»	44
«В кругу друзей мы все немножко врем...»	44
«На свете зло неистребимо...»	45
«Куда бы ни шёл я, куда бы ни ехал...»	45
«Мой горячий, как ветер, Пегас...»	45
«Раньше я редактором работал...»	46
«Вчера навстречу адовой метели...»	46
«Хотел бы я, навеки отходя...»	47
«И снова я молю тебя, сонет...»	47
«Я провожал и близких, и знакомых...»	48
«На какую бы мне планету...»	48
К лишним всевышним	48
«Вчера я распрощался с Краснодаром...»	53
«Стихи необязательно орать...»	53
Публикации из «Вилючинской газеты» 1993-1994 годов	54
«Что с красоты, когда она чужая?..»	54
«Я не приду. В твои покои...»	54
«Напрасно мы терзаемся мечтой...»	54
«Во все глаза её не разглядеть...»	55
«На столах и на окнах...»	55
«Как много я стихов не написал...»	56
«Чтобы времени, столь быстротечного...»	56

Пять строф	57
«Моим врагам, которые умрут...»	57
«Земля объята полночью...»	57
«О каком уж там, бог мой, счастья...»	57
Сосна и сокол	58
«Пожелай хоть однажды забыться...»	58
«На гололёдистом шоссе...»	58
«Когда сумятицы весенней...»	59
«Как я хочу, родная, встать на зорьке...»	59
«Когда обидит близкий человек...»	60
«Я встретил в декабре свою весну...»	61
«А я с годами не старею...»	61
Из миниатюр	61
«О женщины весенние, вы – чудо!..»	61
«То снилось мне, что я тебя любил...»	62
«Забыть твою калитку...»	62
«Ни словом, ни единой запятой...»	62
Невестка	62
«Люди добрые, день свой отдавшие...»	65

Уважаемые читатели, если вы располагаете информацией,
дополняющей представленную в данном издании,
или заметили какие-либо неточности,
то очень просим вас –

Звоните: 3-67-36

- организационно-методическая группа.

Приходите: ул. Приморская, д. 6.

- Центральная городская библиотека.